

Борис Эйфман

ЗАКЛИНАНИЕ ДЛЯ МУЗЫ

БУДЬ ФРЕЙД ЕЩЕ ЖИВ, ОН ВЗЯЛ БЫ ПОСТАНОВКИ БОРИСА ЭЙФМАНА КАК ИЛЛЮСТРАЦИИ К СВОИМ ТРУДАМ. СКРЕСТИВ БАЛЕТ С ПСИХОАНАЛИЗОМ, ЭЙФМАН ВЫВЕЛ НОВЫЙ ВИД ИСКУССТВА, ПРИСОВОКУПИВ К НЕМУ ГИМНАСТИКУ, АКРОБАТИКУ, ДРАМАТУРГИЮ. НЕТ ТАКОЙ ОБЛАСТИ В ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ, КАКОЙ ОН НЕ СУМЕЛ БЫ ПЕРЕДАТЬ В ТАНЦЕ.

Борис Яковлевич, вы — в отличие от многих коллег — пропустили стадию танцовщика, сразу начав заниматься постановкой. Вам это помогло или, наоборот, мешало работать? Не потому ли удалось уйти от стереотипов и создать нечто новое?

Мне кажется, по прошествии многих лет бессмысленно судить о том, являлся ли пройденный путь благом или нет, поскольку именно такая судьба была уготована мне небесами и другого не дано. В то же время я могу назвать себя счастливым человеком: уже в юном возрасте я осознал, что мое главное предназначение — сочинение хореографии. И всю творческую жизнь шел исключительно по этому пути, занимаясь самосовершенствованием, поиском, конечно же, совершая какие-то ошибки, но при этом всегда оставаясь верным Терпсихоре...

Вы легко признаетесь в ошибках? И стремитесь ли их исправлять или просто широким шагом идете дальше?

Я человек сомневающийся и беспокойный — и в жизни, и в творчестве. Часто анализирую, мучительно обдумываю уже сделанное — неважно, касается это отдельных поступков или сочиненных балетов. Ко-

нечно, если ясно вижу, что где-то поступил неправильно, то стремлюсь исправить ошибку. Главное, чтобы груз всех этих раздумий и мучений не тянул на дно и не мешал внутреннему развитию. *Как по-вашему, есть ошибки, которые нельзя простить — человеку, художнику? Вообще вы чувствуете свою особую ответственность?*

Не ошибается, как известно, лишь тот, кто ничего не делает. Без этого невозможно движение вперед. Думаю, что самая большая ошибка, на которую способен творческий человек, — неискренность, нечестность перед собой и своей публикой, перед коей он ответственен. Это для художника смертный грех.

Ваш театр много лет был без какой-либо финансовой поддержки, но вы тем не менее работали. Что помогло в те трудные годы удержаться «на плаву» — не бросить, не эмигрировать, не пойти на поводу у властей? Вера? Уверенность в своих силах? В своем предназначении? В лучшем будущем?

Вы правы: именно уверенность в своих силах и вера в ту миссию, которую выполняю, помогала в нелегкие времена. Если этого нет, то, пожалуй,

ФОТО: Архивы прес-служб

Постановка Борисом Эйфманом балетных программ с комбинацией академической и беспуантовой хореографии, с использованием рок-композиций уже в 1970-х была воспринята как очевидное новаторство

Я человек сомневающийся и беспокойный — и в жизни, и в творчестве. Часто анализирую, мучительно обдумываю уже сделанное — неважно, касается это отдельных поступков или сочиненных балетов

не стоит даже начинать заниматься искусством танца.

Ваша уверенность — свойство характера или нечто другое? И вообще — какие черты необходимы, чтобы заниматься этим искусством?

Безусловно, свойство характера, человеческой природы. Без этой черты жизнь в искусстве невозможна. Как и без Божьего дара, трудолюбия и чувства ответственности. Скажем, пишущий картины художник — творец-одиночка, он не связан почти ни с кем. А значит, ни перед кем не несет ответственности. Я же руковожу большим коллективом. Это десятки людей, и у всех семьи, дети. В таких условиях невозможно позволить себе быть небожителем, мечтателем, парящим в горних сферах. **Сейчас модно уходить в смежные жанры, зарабатывать дополнительные средства: кинорежиссеры ставят оперы, артисты создают свои линии одежды, спортсмены выходят на театральные подмостки... А вы не думали, к примеру, о том, чтобы снять художественный фильм?**

В настоящий момент для меня более актуальна работа над нашими фильмами-балетами. Уже сняты фильмы «Онегин» и «Анна Каренина», сейчас идет монтаж. Вскоре приступим к съемкам балетов «Чайка» и «Братья Карамазовы». Считаю, что мы обязаны сохранить в хорошем качестве на DVD наши лучшие спектакли. **Одни обвиняют вас в том, что вы вольно обращаетесь с классическими сюжетами. Другие за это же уважают**

и любят. В чем для вас необходимость идти по такому пути: «Онегин», «Анна Каренина», «Братья Карамазовы»? Могли бы сочинить что-то новое — под себя...

Обращаясь к великой литературе, я стремлюсь проявить максимально уважительное отношение к автору и тексту, сохранить то, что может быть названо духом произведения. Но я и не занимаюсь созданием примитивных балетов-иллюстраций. Мне интересны те мысли и эмоции, что возникают при соприкосновении с первоисточником. И если беру, к примеру, поэтику Пушкина, то в итоге рождается не пересказ «Евгения Онегина» языком танца, а новый самостоятельный язык, новая оригинальная поэтика, новое произведение искусства. Далеко не все мои балеты основаны на шедеврах классической литературы. Источником вдохновения может быть судьба отдельного исторического персонажа — Ольги Спесивцевой, Чайковского — или музыкальное произведение, как это было с балетом «Реквием», поставленным на бессмертную музыку Моцарта.

Что влияет на выбор темы будущего балета? И что важнее в этом случае — ваши вкусы или вкусы публики?

Если бы я ориентировался прежде всего на вкусы публики, то был бы не хореографом, а, скажем, клипмейкером. Всю жизнь посвящаю себя исключительно тем вещам, которые интересны мне самому. Поэтому рад людям, существующим в такой же системе

Сцены из балетов:
«Я — Дон Кихот»
на музыку
Л. Минкуса,
«Братья
Карамазовы»
по роману
Ф. Достоевского
на музыку
С. Рахманинова,
Р. Вагнера
и М. Мусоргского,
«Онегин» на музы-
ку П. Чайковского
и А. Ситковецкого,
«Чайка» по пьесе
А. Чехова на музы-
ку С. Рахманинова
и А. Скрябина

ФОТО Х. Кулрашова (2), В. Барановский (2)

духовных и интеллектуальных координат, что и я сам.

Вы выстраиваете драматургию балетных спектаклей, совмещаете жанры. Эkleктика — то, ради чего работаете? В ней весь смысл? Или это «путный газ», а основу вы видите в чем-то другом?

Балет — это изначально эkleктичное искусство, где пластика сочетается с музыкой, литературой, элементами пантомимы, драматического театра, а иногда даже спорта, акробатики... Сочиняя свою хореографию, я создаю новое эстетическое пространство — пространство балетного искусства современной России. Моя основная творческая задача — выразить на языке тела терзающие меня идеи, создать спектакль, где присутствовала бы философская глубина, драматургия, мысль.

Что значит «терзающие меня идеи»? Они действительно не дают вам спокойно жить или это художественное преувеличение?

Фразу можно воспринимать буквально. Если идея овладевает мной, то я лишаюсь сна, покоя. Творчество — это процесс, который в том числе очень тяжел с чисто физической точки зрения. **А если оставить терзания за скобками, в чем ваши критерии таланта, ума, красоты, современности — с какой меркой вы подходите к будущим сюжетам?**

Сложно об этом говорить, поскольку для себя самого я не даю четких определений всем перечисленным понятиям, не составляю «толковый словарь хореографа». В очень значительной степени полагаюсь на свое творческое чутье. Оно само подскажет, что талантливо, а что бездарно, где современность, а где пошлость.

И каков путь от идеи до ее воплощения? Что для вас труднее — придумать или сделать?

Если идея озарила меня, то выход — адекватное эстетическое воплощение — рано или поздно будет найден. А вот поймать идею — задача наитруднейшая, и никаких рецептов и правил

ДОСЬЕ

Борис Эйфман — хореограф, балетмейстер, художественный руководитель Санкт-Петербургского государственного академического театра балета под руководством Бориса Эйфмана. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1988), народный артист России (1995), лауреат Государственной премии России (1998, 1999), театральной премии Санкт-Петербурга «Золотой софит» (1995, 1996, 1997, 2001, 2005, 2007, 2010), премий Союза театральных деятелей Российской Федерации «Золотая маска» (1996, 1999), «Триумф» (1996), Benois De La Danse (2006). Награжден Орденом искусств и литературы Франции (1999), орденом Мира и Согласия (Россия, 1998), Командорским крестом ордена Заслуги Республики Польша (2003), орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2003) и III степени (2007).

Эйфман родился в Сибири 22 июля 1946 г. В 1972 г. окончил балетмейстерское отделение Ленинградской государственной консерватории им. Римского-Корсакова. С 1971 по 1977 г. работал балетмейстером в Ленинградском академическом хореографическом училище им. А. Я. Вагановой и ставил на сцене Ленинградского государственного академического театра оперы и балета им. С. М. Кирова. Известность пришла к Эйфману после постановки спектакля «Жар-птица». В 1977 г. Эйфман создал театр «Новый балет» (ныне Санкт-Петербургский государственный академический театр балета под руководством Бориса Эйфмана). На сегодняшний день Эйфманом создано более 40 балетных постановок.

здесь нет. Хотя весь путь от творческого замысла до законченного произведения тоже тернист и мучителен.

Борис Яковлевич, однажды вы сказали, что «балетному театру стало доступно проникновение в глубины подсознания». Что имели в виду?

Художественные и научные достижения XX века сделали реальным постижение самых потаенных глубин психической природы человека. Как следствие, появились новые возможности выражения чувств на языке тела, ювелирно тонкий хореографический инструментарий. Именно с его помощью возможно постижение тайн человеческой души и подсознания.

И что же помогает вам постигать тайны человеческой души?

Все, что касается человека и его внутреннего мира. Философские теории, книги, музыкальные произведения, театральные постановки... Перечислять здесь можно бесконечно, потому что человеческая душа находит свое отражение в огромном количестве художественных форм.

Насколько вас вообще тянет учиться, узнавать, получать ответы? Вы только мастер или ученик тоже?

Способность обучаться, постигать и открывать новое — одно из наиболее ценных свойств человеческой натуры. Я всю жизнь стремлюсь к самосовершенствованию, к открытию новых горизонтов и истин, к получению свежей информации. Не представляю свою жизнь без этого.

В свое время вы даже увлекались Фрейдом. Удалось ли при помощи его теорий проанализировать свои фантазии, ведь именно они основа вашего творчества?

Действительно, я очень активно изучал биографию и труды Фрейда. Весь мой рабочий стол был завален книгами, статьями, выписками на эту тему. Не стал бы однозначно утверждать, что мне удалось до конца проанализировать, разложить на составляющие мир своих видений. Это царство

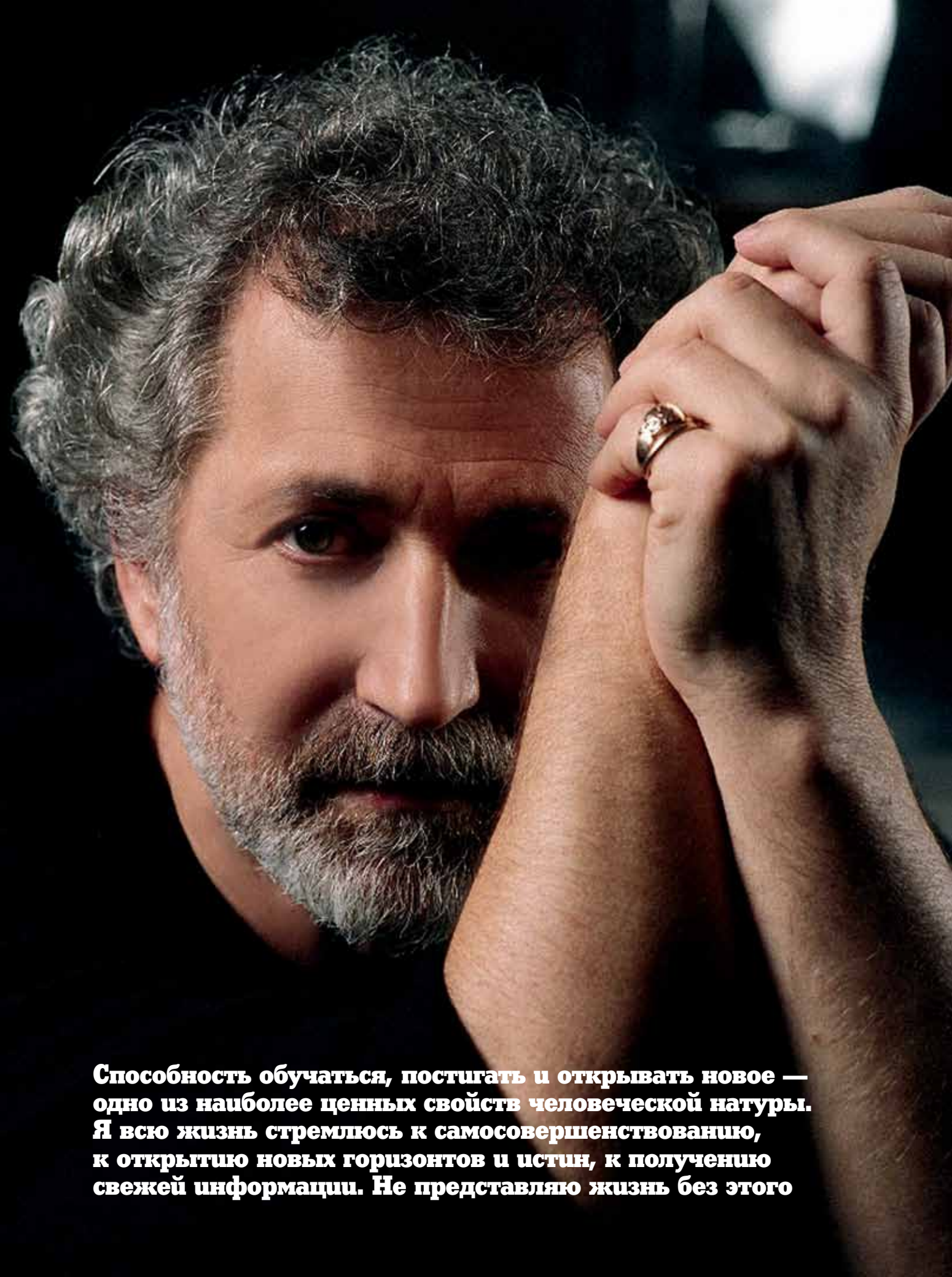

ФОТО Архивы прессы-службы

Способность обучаться, постигать и открывать новое — одно из наиболее ценных свойств человеческой натуры. Я всю жизнь стремлюсь к самосовершенствованию, к открытию новых горизонтов и истин, к получению свежей информации. Не представляю жизнь без этого

Сцена из балета
«Красная Жизель»
на музыку
П. Чайковского,
Ж. Бизе
и А. Шнитке

и могу сказать, что без соединения этих двух противоположностей в творчестве невозможно достичь ровным счетом ничего. Как именно происходит такой синтез, не знаю. Еще одно таинство в жизни художника.

Почему именно Фрейд? Прошло больше ста лет, психоанализ изменился, вырос и окреп — есть много других, не менее интересных и уж точно более научных теорий.

Я не занимаюсь изучением наук. Для меня важно то, сумеет отдельная личность, ее жизнь, творчество и идеи увлечь меня или же нет. Фрейд оказался человеком, завладевшим моим воображением

и придавшим мне необходимый сочинительский импульс.

Тогда посмотрим на это с другой стороны, не научной. Однажды вы сравнили искусство хореографа с шаманскими заклинаниями. Что имели в виду? Ведь шаман занимается вполне конкретным и понятным каждому в племени делом — например, вызывает духов дождя, чтобы пошел дождь. Кого вызываете вы? И с какой целью?

Я не язычник и не имею дела с духами — только с человеческой душой. Отклик в ней и пытаюсь вызвать у своего зрителя. Общаясь с теми, кто смотрит наши спектакли, я погружаю их в мир своих фантазий и переживаний. Образующийся энергетический и духовный обмен, наверное, действительно может быть сравним с шаманством.

А если отклик негативный и зрительская душа негодует, вас это расстраивает? Насколько вообще вы зависите от мнения публики, критики, своих родных и друзей?

Большинство ваших коллег вдвое моложе вас. Не возникает ли в работе проблем «отцов и детей»? Как справляетесь? Вы можете назвать себя знатоком человеческой души?

Безусловно, хореограф, которому вверен большой коллектив, не имеет права не быть психологом и, в известной степени, знатоком человеческой души. Но это не значит, что в балетном зале никогда не возникает конфликта «отцов и детей». Он неизбежен и всегда случается там, где пересекаются пути нескольких поколений. Другой вопрос, каким будет итог этого противостояния. Родится в вечном споре истина или же все ценное и важное сгинет в болотной топи обид, досады и непонимания? Я вижу в артистах прежде всего единомышленников и стараюсь заразить их своими идеями, зажечь в их душах огонь творческого беспокойства. Это помогает преодолевать любые конфликты.

Всякое искусство — это прежде всего диалог с самим собой и со своей публикой

Я не язычник и не имею дела с духами — только с человеческой душой. Отклик в ней и пытаюсь вызвать у своего зрителя. Общаясь с теми, кто смотрит наши спектакли, я погружаю их в мир своих фантазий и переживаний

иррационального, необъяснимого, и вторгаться туда надо крайне осторожно...

И все-таки кто главный в вашей душе — сознательное или бессознательное?

Главное для меня — синтез одного и другого. Человеческая натура, сведенная исключительно к рациональности или же к неосознаваемому, беднеет и меркнет. Хотя, бесспорно, такие процессы нашей психики, как вдохновение, интуиция, озарения, более чем важны для художника.

Но в вашей работе (как и во всякой другой) есть такие понятия, как сроки, необходимость. И как в этом случае приручить вдохновение, если оно иррационально?

Если бы я знал заклинание для вызова своей музы! Если бы только умел сознательно возбуждать приток вдохновения!.. Это величайшая тайна творческого процесса, которая будет неразгаданной столь долго, сколько существует все человечество и его культура.

Психологи уверяют, что синтез интуитивного с рассудочным делает вас едва ли не сверхчеловеком. Вы, как я понимаю, научились совмещать эти два трудносовместимых инструмента?

Сложно оценивать свою природу со стороны... Но я всю жизнь посвятил сочинению хореографии

ФОТО Архивы пресс-служб

Отечественная критика настроена по отношению ко мне чересчур агрессивно. Многие статьи буквально источают ненависть. Чем я заслужил такое отношение — не знаю... Возможно, не все пишущие о балете люди готовы к тому эмоциональному и душевному накалу, который характерен для наших постановок. Что ж, это дело их эстетической развитости и профессионализма. Я уже давно не реагирую на ядовитые стрелы, обращенные в мою сторону, и прислушиваюсь исключительно к мнению высоких профессионалов, коих, к сожалению, в нашей балетной критике почти не осталось.

Что же касается реакции зрителей, то она, безусловно, крайне важна в том магическом акте, которым является показ балетного спектакля. Если наше искусство находит живой отклик в сердцах публики, значит, нам удалось установить энергетический, эмоциональный контакт со зрителем и наши усилия не пропали даром. Ведь всякое искусство — это прежде всего диалог с самим собой и со своей публикой.

Кто для вас настоящий авторитет — в профессии и в жизни?
У меня нет авторитетов и кумиров. Есть коллеги, которых я уважаю и ценю. В целом же стараюсь ни на кого не оглядываться и не равняться, полностью посвящая себя реализации посланного мне Господом дара.

Но вы не можете полностью донести до них свою идею, свое понимание темы — они не прожили эти десятилетия, не получили этих уроков. Встаете на их уровень понимания жизни, философии, красоты? Как и где вы ищете точки соприкосновения с молодежью?

Нас объединяет то, что все мы — и я, и мои артисты — являемся прежде всего служителями Терпсихоры. Мы люди одной породы, одной стихии. И нам не так уж трудно найти взаимопонимание, какой бы значительной ни была разница в возрасте и мировоззрении...

Однажды вы сказали: «Я могу показывать свое искусство хоть в Сахаре, и бедуины поймут его». Вы много путешествуете по миру со своим театром. Чем отличается публика разных стран? И доводилось ли выступать в каких-то экзотических местах?

Этим летом наш театр, например, выступал на международном фестивале в Ливане. Однако я не считаю эти гастроли какой-то экзотикой. Безусловно, культурные и ментальные различия очень существенны.

И в то же время я уверен, что они не в состоянии повлиять на способность человека воспринимать произведенное балетного искусства и сопереживать происходящему на сцене. Ведь именно балет является духовной силой, способной объединить всех нас.

Лада Ермолинская